

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

РОССИЯ И ЗАПАД: ПОЧТИ БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА

Заметки участника

Как блестят глаза статусных политиков Европы и Америки! Никогда они не блестели так. А что случилось? Чувствуют потомки Фауста, что смерть стала ближе, чем вчера. Их необыкновенно заводит возможная гибель России. Теперь об этом в Лондоне и Вашингтоне можно говорить открыто. Знают, что и собственная жизнь, существование Запада – на тонкой нити. Один неверный шаг – и небытие. Силу оружия в этом регионе воспринимают не без особого, нервного эроса. Отсюда их сегодняшние ужимки, вскрики, похлопывания, объятия и, конечно, признания. Думаю, что снится западникам тяжёлый сон. На дальнем этапе происходящего русские и украинцы задумаются об источнике зла, объединятся и пойдут на Европу вместе. “Не вы ли готовили войну между братьями? Яму для славян рыли не здесь? Получите”. Вы скажете: очнись, утопист! Да, сейчас это так, никаких шансов. Но вспомните Грозный на границе веков. Ведь не так давно Чечня казалась могилой России. Будённовск, Кизляр, взрывы домов... Мог ли кто подумать тогда, что передовым отрядом нашей армии станут чеченцы? Воля и время сильно меняют мир. Ну, а пока война. Началась не сегодня, кончится не завтра. О её смысле и причинах – эта статья.

Я родился в 1967 году и с ранних лет был осведомлён о незатихающей борьбе между отечественными коммунистами и западными капиталистами. Слова о возможной ядерной войне звучали часто. Страшно почему-то не было. И не ужас, а печаль посетила в день погребения Брежнева. Его кремлёвский гроб как-то плохо опустили, почти уронили в забетонированную могилу. Раздался непристойно громкий звук, вместе с Леонидом Ильичом завалилось прошлое. Даже мне, 15-летнему, стало ясно, что как прежде уже не будет никогда.

Андропов, первый постбрежневский старец, вроде пытался спасти советское государство и даже серьёзно повысил градус холодной войны. Быстро умер. Черненко, старец второй, был полуживой иллюстрацией нарастающего кризиса и только обозначил буферную зону между советским эпосом и тем, что никто не мог назвать или хотя бы угадать в молчаливой сосредоточенности. Умер быстро.

Поздний Союз смотрелся на расстоянии вполне стабильно, значительно пристойнее своих престарелых вождей. Но когда отключались дальние камеры и начинали работать ближние, когда укрупнились портреты разных интересных людей, быстро выяснялось, что страна беременна либерализмом

и западничеством, проще – антикоммунизмом. Месяц, конечно, не девятый. Но уже и не первый.

Появление свежего, говорливого, шагающего в народ Горбачёва многим послало сигнал о новом партийном стиле. Да, поведение и риторика ещё отражали верность ветхому коммунизму, но всё вокруг и особенно телевизионная картинка (тогда смотрели все) стали превращать кухонных диссидентов в уверенных, слегка захлёбывающихся ораторов, уже работавших на будущую власть. Оказалось, что антикоммунистом и западником быть легко. Конфронтация таяла на глазах. Западный мир всё сильнее симпатизировал нам, потому что даже не слишком посвящённым был понятен демонтаж советской силы и какой-то озорной, карнавальным суицид отечественной системы. Смеялись мы, смеялась Америка, в воздухе пахло двусмысленной весной.

Вы улыбнётесь, но я всё же признаюсь. Меня здорово смутили два горбачёвских деяния: неуклюжий сухой (точнее, полусухой) закон и внезапный, ничем не мотивированный призыв всех студентов на двухгодичную военную службу. Дело не в страданиях – в многочасовых алкогольных очередях или в танковой дивизии, дислоцированной в Оренбургской области. Просто оба шага понравившегося стране генсека показали, что ему легко удаётся быть творцом хаоса и бардака, воплощённых и в провальной технологии борьбы с пьянством и с нарастающим развалом мощнейшей из армий. И состоящие бронированной техникой, и слишком печальные от отсутствия водки офицеры одним своим присутствием объясняли: этот милый партийный лидер только начинает разгоняться в пространстве своей прозападной эпопеи.

20-летним вернувшись из Тозького региона, я – как и большинство моих сверстников – обнаружил себя уверенным сторонником перемен. Главная причина проста: советское нет на серьёзной скорости трансформировалось в демократическое да. Приметы того незабвенного времени в памяти навсегда. У газетных киосков – утренние очереди за ежедневными политическими триллерами. В наскоро сколоченных бараках – плохие видеоманитофоны показывают ужас, эротику, а иногда и артахус. В библиотеке можно свободно читать Ницше и Шопенгауэра. “Новый мир” и другие “толстые журналы” миллионными тиражами прыгают в почтовые ящики – с Гроссманом и Платоновым, Пастернаком и Домбровским, Сартром и Джойсом. Сам термин “возвращённая литература” свидетельствовал о своеобразном характере антисоветского ренессанса.

Можно митинговать по каждому поводу – когда в уфимских кранах вместо воды оказался фенол, а в Краснодаре стали двигать в депутаты предавшего советских разведчиков генерала Калугина. Со всех сторон охватывала церковная жизнь; празднование 1000-летия Крещения Руси показало, как неотвратно сближаются Церковь и государство. Кто-то уже побывал в капиталистических странах и показал друзьям, как красиво смотрится доллар. Все слышнее и слышнее голос Солженицына. Вот он предлагает “обустроить Россию”, отрезав всех, оставив только Москву, Белоруссию, Украину и Казахстан. Жёсткие и находчивые современники пробуют себя в свободной торговле и уже начинают гибнуть за место под финансовым солнцем. Можно хоть целый день читать Бердяева с Розановым и Соловьёва с Флоренским и Мережковским. А как оторваться от телевизора, если без перерыва на обед разоблачают преступления КПСС? На улицах шумно прыгают кришнаиты. Уже высадились первые десанты американских протестантов. Готовятся проповедовать Цвигун с Кривоноговым в границах секты “Белое братство”. Свобода!

Таким вот прогрессивным, накаченным современностью приехал я к отцу в Новосибирск. Выслушав мою эмоциональную исповедь-проповедь, отец спросил, что думаю о возможной утрате советских республик, не жалко ли мне Грузию с Прибалтикой, не печальюсь ли о судьбах русских вне России, не беспокоит ли распад Варшавского договора. А также утрата многих союзников. Не удивляюсь ли уничтожению Берлинской стены и воссоединению двух Германий без всяких компенсаций...

После моего многословного бляения отец, не склонный ни к одной из форм мистики, живший и умерший спокойным атеистом, достаточно тихо сказал: “ДЬЯВОЛ ВХОДИТ В ИСТОРИЮ. Много крови будет. Иллюзии быстро развеются, да ведь распад ещё раньше станет необратимым. Неужели ты веришь в добрую Америку? Мне страшно за ваше поколение – что вам предстоит. Ты думаешь: пришла, наконец, правда. Увы, пришла великая ложь”.

Две даты стали определяющими для моего мировоззрения: вторая половина августа 1991-го и начало октября 1993 года. Первую я отметил в символическом единении с Западом, вторую – совсем наоборот. ОТ ГКЧП с Янаевым и Язовым до ельцинских танков на улицах Москвы чуть больше двух лет. Я благодарен жизни за столь сжатые сроки прояснения главного. И если в 91-м нелепый, думаю, провокационный реванш компартии заставил съёжиться от утраты как бы весенних перспектив, от реабилитации угробленной совместными усилиями идеологии, то 93-й абсолютно искренне показал, что за два года вполне состоявшийся Ельцин – фигура русского поражения и не символической, а вполне осязаемой гибели страны. Борис Ельцин был идеальным западным оружием в трясущемся пространстве советской, а чуть позже российской интоксикации. Это он – среди самых заметных авторов нынешней войны. Став инициатором освобождения Украины от России, предложив документ о расставании славянских народов, Ельцин прочертил прямую линию от “перестройки” к апокалипсису. Сделал тогда ещё не родившихся людей заложниками грядущей битвы. Он убил тысячи мужчин и женщин задолго до их появления на свет. Я не хочу обсуждать уровень самостоятельности того самого президента. Думаю, он был низок. Западные кураторы работали повсюду. И не слишком прятались.

Образ Ельцина навсегда вморожен в ключевые слова начала 90-х: приватизация, новый русский, криминал, браток, челнок, олигарх, ваучер, дефолт, обменник, рэкет, коррупция, региональный национализм и т. д. “Борис Николаевич и его правительство решились на верный шаг – отнять у народа несправедливо нажитые в советские годы сбережения”, – такие фразы в солидных газетах (в данном случае – “Сегодня”) никого не удивляли. Этическая составляющая неозлиты – всех этих гайдаров, явлинских, немцовых, березовских, гусинских, ходорковских – как-то очень быстро подтвердила слова моего отца о том, что русская история захвачена сатаной. Конечно, можно выразиться гораздо проще: Запад получил контроль над нарастающим распадом страны.

4 октября 1993 года очень тяжело родился, а 7 октября умер мой первый сын, так и не крещённый Дмитрием. Напомню, что 4 октября Ельцин пережил свою злую кульминацию, организовав танковую атаку на Верховный Совет и похоронив не один десяток людей. Он давил не коммунистов – русских, осознавших, куда и зачем ведут их страну. Все эти скорби сложились у меня в единый сюжет. Врачебная ошибка работников роддома и сознательные убийства от президента, страдающего алкоголизмом и западничеством. Не буду рассказывать об этом сюжете подробно. Даже набирающая силу Церковь в этом океане смерти казалась объектом иноконфессиональных атак, а не островом спасения. Все субъекты речи, получившие тогда право на публичность, риторически уничтожали уже погребённый Советский Союз, приписывая ему все преступления и извращения. Помню, подумал тогда: именно так действовали римляне по отношению к первым христианам. Каннибализм, чёрная магия, поджоги? Конечно, они!

Но меня уже было не обмануть. По сравнению с теми, кто пришёл в Кремль, чьи гнусные рожи не покидали телеэкраны и страницы газет, советские люди с их принципами, простой дидактикой и стержневой житейской праведностью казались ангелами во плоти. И даже коммунистическая система ценностей, особенно жертвенность на войне словно желали соединиться с реальностью Православия, чтобы полностью дистанцироваться от того позорного мировоззрения, которое отравленным пойлом разливалось по стране. Запад тогда очень любил нас – на словах. На деле готовил Чеченскую войну, начавшуюся в декабре 1994 года. То, что в кавказских масках на нас прёт именно Западный мир, после всего ельцинского понять было просто.

* * *

Мой дед – Николай Иванович Самохвалов (1915–1986) – был одним из самых значимых литературоведов-американистов в Советском Союзе. Американистом был блестящим, западником или диссидентом никогда. Я слегка посмеивался, когда дед методично и одновременно пафосно отделял “великий американский народ” и его лучших писателей от ненавидящего нас

“империалистического государства”. Мне, подростку, это казалось слишком простым шагом. С годами перестало казаться.

Прекрасен Запад в своих бессмертных творениях! Четырнадцать лет возглавляю кафедру зарубежной литературы, тридцать лет преподаю Данте, Боккаччо, Шекспира, Сервантеса, Гомера, Софокла, Марка Аврелия. И никогда не перестану восхищаться литературой классической Европы, так много давшей и русской душе.

Только нужно ли это всё самому Западному миру, который особенно упрощается именно в наши дни? Не буду создавать панораму предательства, сковавшего наших оппонентов кольцом универсализма без духа, дырявым глобализмом. О трансгуманизме они могут рассуждать часами. Однако сам гуманизм давно стал пустым звуком, словно от Ренессанса остался лишь комикс о флорентийской жизни. Просто сошлюсь на Харольда Блума. Этот достойнейший американский литературовед в книге “Западный канон” пытается напомнить Европе и Штатам сюжетные миры, которые они потеряли. Читая Блума, хорошо понимаешь, какая бездна лежит между классическим Западом и тем, что сейчас. Блум прямо говорит о предательстве Европы и Америки самого лучшего в своей истории, самого светлого и мудрого.

Не могу забыть и о другой простой истине – настолько простой, что вроде и упоминать не ловко. Есть Запад в себе и для себя – пока ещё вполне цветущий край. Но нам-то достаётся экспортный вариант – Запад для чужих. Что он из себя представляет, спросите у живших в 90-е. Туризм для бизнес-элиты и тотальное поражение земли (криминал, обнищание, господство пошлости в культуре), выбравшей Запад своей путеводной звездой.

* * *

Понимаю, что преувеличиваю. Но вижу иногда, что наш исторический поворот придуман одним человеком. Уж не является ли *светским старцем* для сегодняшней власти Александр Проханов – мастер патриотической словесности? Первые прочитал его роман – “Дерево в центре Кабула” – ещё школьником. Не впечатлило. Всё остальное (начиная с “Последнего солдата империи” и передовиц газеты “Завтра”) стало для меня мощным явлением духовно-политической мысли: каждый текст охватывает повседневность цельной философией истории и выстраивает не романский мир, а эпос героический. Взаимодействие России и Запада лишено полутонов. Не политические системы и не идеологические субъекты участвуют в схватке, а божественное и дьявольское проступает за русским и американским началами. Вера Проханова в святость нашего, отечественного, и в апокалиптическую отверженность западного могли бы показаться причудами персональной веры. Да жёсткий прохановский журнализм, постоянная актуальность не позволяют записать его в чудаки-мифотворцы.

Ключевая для Проханова идея Пятой империи появилась из конкретики брежневских, горбачёвских, ельцинских кризисов. На территории нашей Евразии всегда стояло государство, противопоставленное Западу. Сначала католическому рыцарству не уступала Киевская Русь. Второй империей стала Московская. Она сменилась ещё более сильным имперским основанием, ведущим начало от Петра. Советское государство в историософии Александра Проханова – кульминация отечественной государственности, одержавшей победу в самой страшной из мировых войн. Поэтому оно и было разрушено – не извне как бы, а *внутренними западниками*, предателями Русской идеи. Из этого самого тяжкого для Проханова потрясения рождается ключевая цель – строительство Пятой империи.

Это могло показаться слишком книжной мыслью. Однако обернулось совершенно конкретным антизападным движением самого государства, в котором вполне воплотилась прохановская мысль о единстве Гагарина с Серафимом Саровским, военных заводов с монастырями, советского “святого мученика Иосифа” с царями, а этики коммунистической – с православной.

В границах этого мира битва распространяется на метафизические сферы, превращает Бога и дьявола в двух коллективных бойцов. Они захватывают социально-исторические силы и личности. Согласно логике религиозной словесности, в текст появляется житие. Обретается, как в романе “Красно-коричневый”, “русский святой, воплотившийся в полковника спецназа”

(Владимир Бондаренко). В соединении публицистического и житийного, романного и героического рождается главный миф Проханова – проповедническое слово о битве русского воина, носящего разные исторические одежды, с многоголовым западным драконом, стремящимся столкнуть мир в небытие. Этот миф никогда не становится абстракцией, не покидает реальное время. Здесь Проханов – не только автор, но и герой: Белосельцев, Сарфанов, Коробейников и Антон Садовников.

Всё творчество Проханова – против “взбесившегося среднего класса”. “Русский народ – огромный монастырь, возносящий молитву о спасении мира”, – сказано в одной из статей. Формы русского богословия – не только церковные труды, но и космические ракеты, суперсовременное оружие, агрессивная дипломатия и великая литература. Для земного существования Церкви, спасающей народ, необходима своя земля. Известная тенденция 90-х – храмов больше, а страны и её защитников всё меньше – Проханова абсолютно не устраивает. Бредущее к самоубийству государство – ключевой образ эстетики безобразного. Государство, созидающее историю как “непрерывное приближение к бессмертию”, – главный образ эстетики прекрасного.

На одном фланге словесности – Александр Проханов. На другом – Виктор Пелевин. Оба создали миры, которые трудно не заметить. В этих мирах нет повседневности, есть агрессия гротескных формул. Видны следы классической души, но она окружена невиданными прежде монстрами. Камеры реализма их не фиксируют. Оба отвечают на существенный вопрос: как взаимодействовать с историей, чтобы не быть раздавленными стремительно меняющейся цивилизацией? Ответ Пелевина: прочь от истории – к виртуальным глубинам, растворяющим архаичную человечность! Ответ Проханова: через фантастические технологии – к верующей душе, которая вернёт историю!

Но зачем нам здесь Пелевин, если есть Дмитрий Быков! Интересный лектор, средний писатель, бездарный гражданин. Один из лидеров новейшей русофобии. Чтобы уничтожить *российское сегодня*, Быков готов даже героизировать *советское вчера*. В быковских интервью Советский Союз охотно сопоставляется с Римом времён расцвета, с империей инков как высшей точкой американской цивилизации. В СССР царили мастера, высокий статус был у образования и просвещения. Разнообразнейшие контакты с Западом позволяли развивать диалог культур. Союз “не занимался прямой пропагандой войны”, официально всегда сдерживал национализм. Писатель не без ностальгии говорит о “внутреннем инстинкте человеческого достоинства”, называя поздний СССР “нашим аналогом Серебряного века”.

И всё это, по Быкову, разгромлено в путинской России. Ни сложных оценок, ни двойственности образов – автор “И-трилогии” легко превращается в сетевого пропагандиста, свободного от правды и сомнений. “Травля несогласных достигла колоссального уровня”, гнёт “диктатуры” несопоставим с тяжестью советской системы, граждан оболванивают “философией затемнения”, “чудовищный рост антисемитизма” отмечается повсюду. “Гниющий, разлагающийся труп давно умершей идеологии” не даёт покоя, вызывает дух *соцреализма наоборот*. Если задачей коммунистического Вавилона было “построить башню, выйти в стратосферу”, то в сегодняшнем российском государстве Быков видит нечто совсем ужасное, фашистское, антихристово.

Быков – проповедник, везде и всегда. Его *либеральный реализм* словно социалистический реализм наоборот – тоталитарен до гротеска, сомнений и компромиссов не знает; уж точно не менее эпос, чем политическая мифология Проханова. Так на каких китах стоит быковский либерреализм, например, в ключевой для него “И-трилогии” (романы “Икс”, “Июнь”, “Истребитель”)?

Буду рационален. Во-первых, Великую Отечественную, по Быкову, создавали Сталин и сталинисты, чтобы все грехи государства списать на боевые действия. Во-вторых, фашизм и коммунизм – одно; Гитлер и Сталин – стратегические соратники. В-третьих, народ в трилогии – тошнотворный мрак (особенно в “Июне”); лишь укоренённые в творческом эгоизме элитарные субъекты достойны внимания. В-четвёртых, здешнее *художественное богословие* превращает Творца в кентавра-неудачника (так в “Иксе”) и не может скрыть пиррову победу всепоглощающей Пустоты. В-пятых, главными кумирами становятся Пастернак (ему посвящена самая яркая книга Быкова) и его доктор Живаго; они – культовые фигуры исхода из русского эпоса-истории ради созерцания собственной гениальности и важнейшего для быковцев смешения

Христа с Гамлетом. В-шестых, вполне ощутима авторская скорбь: Быков способен на регулярной основе транслировать *живаговщину*, однако не может со-творить личного *доктора Живаго* — действительно живого героя. В-седьмых, когда Быков пытается говорить о любви — получается комикс, когда он ненавидит Россию и молится Западу — очень искренне и правдоподобно.

* * *

Сегодняшний военный эпос тяжёл вдвойне. Отрицать начавшуюся борьбу с Западом невозможно — это больше, чем сражения в полях и городах; риторика — царица новейшей реальности — разрывает отношения в поистине эсхатологических пространствах. Но воюет Запад в образе прокачанной ненавистью Украины. И бои проходят там, где относительно недавно медленно текла общерусская, советская жизнь.

Тридцать лет превращая Киев в Анти-Россию, Западный мир уже не без победы. И в то же время он должен проиграть, а явным признаком поражения должно стать воссоединение не только с Донбассом, но со всей Украиной. Для этого всего-то (да простится мне тяжёлая ирония) нужно удачно завершить наступательную операцию, а потом духовно-социальным чудом преодолеть последние три десятилетия, когда сосед и родственник был под дидактическим влиянием Запада и вырастил поколения идейных бойцов. Наш народ продолжает относиться к украинцам спокойно или никак, а там целенаправленно растят солдат, знающих врага. Это я о разыгравшейся трагедии. О том ужасе, в котором мы оказались, словно получив божественный приказ — принять тяжелейший крест этой трагедии, не переставая видеть гибель воинов и представлять страдания мирного населения.

Запад играет на поле, которое строил с бóльшим усердием, чем мы. И единственной возможностью победить будет народное согласие с этой болью. Согласие, доходящее до собственного принятия той участи, которая ныне выпала украинцам — беженцам, страдальцам — от исчезновения привычного — или мёртвым. Операция не могла не начаться, потому что часы оставались до массовой атаки на Донбасс и Россию. Операция не может завершиться мнимодружественной кляксой. В этом случае чёрная энергия самоуничтожения России будет *достроена* Европой и Америкой до конца. Никакой договор сейчас невозможен. Эта обречённость России на победу — при нарастающем сопротивлении украинцев и возможном очном подключении НАТО — усиливает трагизм, доводит его до кульминации и одновременно освобождает от иллюзий.

“Я только плачу и плачу, ведь русские убивают русских”, — говорит с болью прекрасная женщина, христианка, коллега-филолог. Она права, пусть её слова лишь один из ракурсов. Мы можем называть их нацистами, националистами, убийцами детей Донецка и Луганска — мы должны их так заслуженно называть. Но гнев должен быть не просто эмоцией и усиливающей ненавистью; он обязан, соединившись с умом, искать источник этого мрака и одного из самых витиеватых образов гражданской войны. Дело не в гуманизме и тем более не в каком-то этикете. Наступление будет нарастать, надеяться на уменьшение страданий в ближайшие недели — обманывать себя. Но важно не опустить себя на этот киевский уровень, когда фейк о русском враге стал платформой даже школьных учебников. Необходимо побеждать из мира общерусской трагедии, из настроения деятельной, агрессивной скорби, когда ты понимаешь: если это действительно нацизм, он сделан в Европе и США. И там ответят за эти муки славян. За их необходимость разрушать города с русскими именами.

* * *

Всё это началось давно. Запад сделал из современной Греции аграрно-туристическую провинцию, но продолжает гордиться своими эллинскими корнями. Мы для него — *персы*, снова обязанные проиграть и при Марафоне, и при Саламине. Почти два тысячелетия нет Римской империи, позади все варварские атаки, да вот только *скифы* в западном сознании скачут до сих

пор. Разумеется, это снова мы — люди Востока или непонятной, безграничной Евразии, чуждые аристократии и демократии.

А как насчёт того, что все мы христиане? Увы, задолго до официально оформленного церковного раскола 1054 года для наследников латинского Рима Константинополь был падшим городом. Его не просто обвиняют в ереси, его почти на столетие захватывают европейские рыцари, отказываются защищать от войск ислама и почти без сожаления спроваживают в небытие в 1453 году. Будто Православие и не христианство вовсе, а досадная пародия на верную веру папистов.

Отношение Запада к Византии — цинизм и презрение, высокомерное отрицание общности. Лучше бы вовсе не было этой греческой веры! И каково же католической Европе обнаружить, с дикой язвительностью зафиксировать своим высокомерным умом, что в варварской Московии, далёкой от начинающего цвести Ренессанса, дерзнули произнести слова о Риме. И не просто так, всуе, а начали выстраивать духовную идеологию “Москва — Третий Рим, и четвёртому уже не бывать”.

У нас не было Шекспира, Сервантеса или Боккаччо, Москва не могла предъявить гостям *нечто по-флорентийски утончённое*. Дело в ином. Глубокая убеждённость в правде восточного христианства, деятельная тоска о погибшем Втором Риме-Константинополе сопряжены с уверенностью в левизне католичества, которое всё больше и больше склоняется к секулярной культуре и гибнет в бесконечных грехах (полистайте “Декамерон” Боккаччо). Для русских западное христианство — растворение в модной философии, иезуитской политике, в инквизиции и житейском рационализме. “Москва — Третий Рим” — это и богословская реальность: формально провинциальная Русь обьявила себя силой, сдерживающей сатану. И всё это XVI век. Полтысячелетия назад — уже война, в принципе.

* * *

Доказала ли Москва, что она действительно Третий Рим? Доказала, и этим поставила себя под угрозу уничтожения. Конечно, легче сказать так: Западу нужны наши территории, недра, людские ресурсы. И не нужны: русский взгляд на многополярность и претензии на постоянное возвращение к империи. Всё это так. Однако я приведу три аргумента из внутренней сферы, с тех уровней Русской идеи, до которых американскому уму вообще доходить не интересно. Именно здесь ясно видно, что мы другие.

Во-первых, Русская Церковь. Третий Рим — это, прежде всего, о ней, о московской православно-эсхатологической инициативе после крушения Константинополя. С одной стороны, наша национальная церковность терпит поражение за поражением, одно печальнее другого. При Алексее Михайловиче — раскол, при Петре — утрата патриаршества и внутренняя протестантизация, в XIX веке — избыток фарисейства и серьёзное поражение от интеллигенции, в XX столетии — внешняя капитуляция при атаке воинствующего атеизма. Сейчас — неиспользованные возможности христианизации народа, которые в конце 80-х казались почти безграничными.

Но даже в этих поражениях, по форме почти фатальных, больше жизни, священного трагизма и духовных перспектив, чем в иных победах. Хранится и развивается классическое богословие; на богослужениях, иконах и таинствах продолжает светить византийское предание — нерациональная, полная средневековой глубины душа Второго Рима. Входя в храм, лишь приближаясь к нему или просто пребывая в широком пространстве православного характера, русский человек безошибочно отличим от всех модерн-пустынников Запада — с их взорванным, превращённым в мировоззренческую гордыню католичеством, с привычным лицемерием постпротестантизма. С хохотом он “продолжил” дело Лютера по переводу христианского сюжета на язык глобалистского либерализма. В нашей религиозно-культурной архаике этот перевод всегда был под вопросом. Целостно — так и не состоялся.

Во-вторых, русская литература “золотого века”. И победа над Наполеоном, и освобождение балканских славян, и поражение в Крымской войне — очевидные фабулы решаемой в этой статье проблемы. Но по-настоящему, неотменимо национальный авторитет явил себя в словесности. Предъявил миру

в совершенной *романности* господствующих, завоёвывающих мир русских сюжетов.

Литература как бы компенсировала относительную бедность нашего богословия. Предложила художественное учение о человеке, без которого нельзя обойтись. И когда, например, нынешние поляки орут на весь мир о необходимости закрыть, исключить Достоевского или Чехова, они хорошо понимают, что делают в своей безнадежной борьбе с Третьим Римом. Потому что легче взять и забыть всю Польшу с её многословным и бледным *аристократизмом*, чем упустить из виду одного Льва Толстого.

Да, всё XIX столетие – победа литературы как сложной, полифонической души. Она – общая, и – нет. Возьмите нашего главного оппонента – французскую традицию. Стендаль, Бальзак, Флобер, Золя, Мопассан и даже Гюго – великолепно выстроенная *горизонталь*: страсти и страстишки, одержимость успешностью, половое влечение в контексте гламура своего времени, жажда власти над ближним и попытки преодолеть гнёт наследственности. “Ненавижу французские романы”, – воскликнул один близкий мне человек, хорошо чувствуя всё, перечисленное мною выше.

Второе отечественное *священное писание* – это Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой. Достаточно и этой небесной пятёрки для проявления русской *вертикали*: Бог и дух здесь – масштабная платформа сюжета; чем бы ни занимались разноплановые герои, они призывают читателя подняться по той лестнице, о которой мы впервые услышали от византийцев. Из герменевтики русской прозы и поэзии рождается отечественная философия: Соловьёв, Розанов, Мережковский, Бердяев, Шестов. Рядом о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, Леонтьев, да и весь “серебряный век”.

В-третьих, русский коммунизм. Не будем о марксизме-ленинизме, о гражданской войне и сталинских репрессиях. Запад (особенно внутренний) трещит о “преступлениях социализма” безостановочно. Но предсказуемая риторика не значит, что он не понимает главного: была воссоздана в деталях продуманная антибуржуазная жизнь и воспитан человек, который сумел остановить западный фашизм. Вряд ли случайно на православном канале “Спас” показывают советские фильмы. Коммунистические – по форме, христианские – внутри.

Лет 12 назад выбирали тему диссертации с аспирантом из Сирии. Посоветовавшись со своими профессорами, он сказал, что сегодня сирийскую науку интересует не модерн с постмодерном, а надёжная классика. А писать желательно об одном из пяти – Достоевском, Толстом, Горьком, Шолохове или Островском.

Вопрос: “Зачем вам наши купцы?” – показался Аммару вообще неуместным. Привожу его экспрессивный монолог в сокращении: “Нет! Это советский Островский, автор романа “Как закалялась сталь”. В угоду Западу вы все играетесь с образами и словами, забыв главное своё: литература должна учить человека жить! Миллионам арабов Корчагин объяснил советские победы, отделил добро от зла, показал, что есть подвиг и предательство, своя женщина и чужая женщина. Ну, что вы за народ! Сотворили действительно справедливую жизнь, духовно поставили Америку на колени, ткнули её носом в её же капиталистическое дерьмо... и сами отказались от побед. Заменили героя Островского на разных иуд, а при Горбачёве просто уничтожили весь тот “третий мир”, признав победу гнилых аутсайдеров...”

* * *

Почти два месяца на разных фронтах идёт война России и Запада – скорее, горячая, чем холодная. Начало военной операции заставило и одновременно позволило снять маски. Рухнул дипломатический этикет, сдерживавший древние инстинкты, и потоки прямых оскорблений быстро смыли все границы приличий. Ещё недавно казалось, что между нами может быть *роман* – относительно сложная форма отношений. Нет, только *эпос*! Никаких полутонов и компромиссных фигур. Только добро и зло, верх и низ, осталось исключительно божественное и сатанинское.

К этой войне готовились по-разному. Путинский акцент – качество новейшего оружия. При этом всё происходящее – лично, национально честно:

в бой идут россияне. Запад снова хитрее, стратегически экономнее: западной армией, прошедшей многолетний тренинг, стал целый народ. Народ, некогда братский, чьё вражеское присутствие создаёт запретный вкус гражданской войны. Эта двойственность способна порвать слабый, нервно функционирующий мозг. С одной стороны, тысячи врагов, проживающие на большой территории Русского мира и говорящие с тобой на одном языке. С другой — это и есть Запад, настолько ЗАПАД сейчас, что даже англосаксонская толпа представляется более восточной, чем нынешняя украинская орда. Это феномен настолько ярок в тщательно скроенном злодействе, что вызывает даже неуместный восторг перед американским технологизмом. Адская “матрёшка” перед нами: американский центр управления надёжно спрятан внутри, он — вне страданий; далее — кипящая ненавистью, а заодно лишившая себя газа неистовая Европа. Европа, трясущаяся от жажды убийства варваров и категорически не желающая ложиться под танк сама. Эта “матрёшка” уже уязвима, но всё же — вне боевых действий. А завершается эта конструкция принесённой в жертву Украиной.

Координирующие стратеги в Соединённых Штатах, окоченевшие в дьявольской злобе европейцы и гибнущие украинцы — вот так устроена западная пирамида наших дней. Этот урок — на века, если мы переживём ближайшие годы.

Мало кто сомневается в российской армии. Значительно больше сомнений в состоянии нынешних политических, творческих и финансовых элит, в векторе их самых сильных желаний. Трудно думать о том, что творится в умах чиновников и бизнесменов, певцов и актеров. Конечно, далеко не всех. Скажем компромиссно: некоторых. Понятно, что требуется публично говорить. Но как всё это принять сердцем?! Ведь перешедшая в горячую фазу война России и Запада не только выстраивает области речи, но резко меняет значение денег, возможностей, туризма как стиля элиты, давно потерявшей границы между Россией и остальным миром. Только что русский успешный человек везде был желанным гостем. Но моргнула картинка — и он почти мёртв в любом своём иноземном путешествии. Запад принёс в жертву Украину. Россия — не только солдат, но — выговорить тяжело! — правящий класс, где популярно *внутреннее западничество*, местное отделение глобалистского братства.

Это *внутреннее западничество*, словно бывшее диссидентство, временно ушедшее на кухню, продолжает оставаться полюсом силы и присутствовать в государственных структурах. Оно настолько есть (как выстроенная судьба и модель жизни), что даже нет смысла говорить о реванше. Настолько оно повсюду, везде, где с 90-х строился образ жизни, сочетавший вполне традиционные ценности с поистине *вавилонским* цветением “современного искусства” (в самом расширенном и символическом варианте этого понятия).

Печаль о кризисе *внутреннего Запада* повсеместна, потому что все мы привыкли к избыточному изобилию. И те, у кого денег много. И даже те, у кого их почти нет. Один мой возрастной друг ещё лет 12 назад предположил, что множество краснодарских торговых центров строится ради будущего казарм — объёмно, просторно, быстро передельвается. Сильная мысль! Но всё же, Юрий Алексеевич, это торговые центры. И они умеют нравиться, создавать удобства и заставлять сетовать об уходящих из страны брендах.

* * *

Часто Запад лучше разделяет, чем мы храним единство и братство. Возвращение Православия в конце 80-х, вхождение в Церковь миллионов соотечественников, сближение Церкви с государством вряд ли отодвинули на дальний план нарастающую трагедию православного христианства — раскол между государствами и народами, исповедующими одну веру. Кто не знает давно созданные узлы напряжённости? Россия–Грузия, Россия–Молдавия, Россия–Румыния, Россия–Украина. Титанические усилия противника не привели к трансформации Белоруссии в ещё одну Анти–Россию. И остаётся лишь удивляться, что отношения между нами и греками далеки от военных.

Внутри православная катастрофа создаёт из нашего Третьего Рима трагическую фигуру, действительно близкую апокалипсису. Забывать об этом не стоит, прежде всего, в личном сбережении русской церковности, в отказе от критиканства и высокомерного атеизма. Честное слово, сейчас идеальное

время, чтобы взять в руки Евангелие и богословские труды... “Стоп, – скажет верующий либерал, – а разве Христос благословляет войну и даёт хоть какую-то возможность для танковой атаки?”

“Не мир пришёл Я принести вам, но меч...” Да, это не о боевых действиях. Однако историческое, прежде всего, католическое христианство максимум “возьми крест свой... и следуй за Мной” включило в контекст совершенно особого, милитаристского христианства. Где, как в средневековой “Песне о Роланде”, французский Иисус переживает свой священный сюжет в эпическом столкновении с мусульманами. Благословляемый Отцом-Карлом, преданный Иудой-Ганелоном, искушаемый Петром-Оливьером, окружённый двенадцатью учениками-пэрами, Христос-Роланд возносится на Небеса как мужественный воин, который должен искать демонов в земных образах и, немного забыв о Нагорной проповеди, обретать свои “тесные врата” в священной войне.

Разумеется, и на “Песнь о Роланде”, и на становление рыцарского идеала повлияли крестовые походы, особенно первый. Не русская это забава – крестовый поход. Готфрид, Бозмунд, Раймунд, тамплиеры – романтики агрессивного христианства и прагматики колонизации далёких земель. Русь у них не в союзниках, скорее – объект потенциальной атаки, территория ереси.

И всё же. То, что началось 24 февраля, представляется мне Русским крестовым походом. Возможно, первым. Христианство слабо задействовано? Да, оно ушло вглубь, растворилось в пространстве народного мировоззрения и понимания Украины как оккупированной Западом земли. Здесь важно иное: Киев как местный координатор дьяволиады, нацистская составляющая украинской идеологии, иудин грех в целовании Америки и готовности распять Россию. С каждой неделей образ священной войны укрепляется, начинает ощущаться как трагическая необходимость взятия *Иерусалима* и необратимости перехода той границы, что случился в конце зимы.

Если мы не возьмем западный и одновременно украинский *Иерусалим* и не построим государство *славянских крестоносцев* на Днепре, последствия приблизят к разрушению Русского мира. Дело в том, что сейчас эпоха двух одновременных крестовых походов. То сакральное, что мыслим о себе, Запад без сомнений применяет к собственной агрессии. Для них *Иерусалим* – Москва. Правда, при дальнейших размышлениях быстро проясняется, что Киев – это весьма своеобразная и очень небезопасная приманка, Анти-Россия и Псевдо-Запад со своей тяжкой ролью, с обречённостью многих и многих. И с невозможностью решить главную проблему. А ключевой город – Вашингтон, ибо *Иерусалим* захвачен американцами. И пока всё будет так, как сейчас, война будет длиться. Может, замирая, а может, и нет. Так что Штаты в нынешнем непотребном виде должны уйти, символически умереть. Потерпеть поражение, равного которому не было в их истории.

Хм, а не используем ли *мы-крестоносцы* именно западные технологии? Сами не стали (в эффекте первого удара и грандиозной атаки) *Америкой*? Завязав с ожиданием и оправившись смирять и забирать, не похожи ли мы на тех, кого отрицаем? Кратко скажу: не без этого. И в этом новое движение стратегов происходящего. Уже не ждём, как терпеливо ждали атак на Осетию или Сирию.

* * *

Способна ли великая западная литература честно рассказать об истоках – пусть символических – охватившей нас войны? Только лаконично! Скажу лишь о пяти – даже не текстах, а феноменах.

Во-первых, грандиозный античный пролог: “Илиада” – “Одиссея” – “Энеида”. Почти гражданская война ахейцев и троянцев, верующих в одних и тех же богов, и противостояние хитроумного героя варварским, нечеловеческим силам (то Полифем, то Скилла), объединяются в рациональном, центристском эпосе Вергилия. “Энеида” – как главный римский текст – упрощает гомеровские красоты ради ещё одного воспоминания о разрушенном Карфагене и гимна благой колонизации.

Во-вторых, Дантова “Божественная комедия”. Флорентиец не просто энциклопедически подводит итоги Средневековья. Он свидетельствует о праве западного человека быть поэтом и богом одновременно, выстраивать

потустороннюю вселенную и жёстко уточнять законы этого, земного мира. Торжество канонического богословия как-то незаметно оборачивается перестройкой божественной вселенной ради создания и прославления всемирной монархии. Где Христос, конечно, всё так же правит. Но чуть менее заметно, чем Беатриче. Её присутствие освящает адскую тюрьму. Тюрьму выстроил гордый Данте для врагов Бога – своих врагов. Он имеет право. Человек Запада хочет иметь право даже на это.

В-третьих, “Гамлет”. Принц датский переносит основную борьбу вовнутрь. Он сочетает две потрясающие вещи – исповедь о невозможности спасти мир, о каком-то священном торможении перед всесилием смерти, и проповедь колонизирующего нас настроения. Да, бывает колонизация настроением! Когда мнимая слабость Гамлета оборачивается устойчивой пустотностью, явлением атеистической или гностической решимости объявить весь мир “тюрьмой”. Бездействие здесь лишь крючок для доверчивых читателей и зрителей; из гамлетовского настроения, из этой чуть ли не религиозной пустоты орудия бьют с особой жестокостью. Подозреваю, что Запад воюет погамлетовски и сейчас. Гамлет – европейский стратег и полководец. Не менее важный, чем Ахиллес, Эней или Данте.

В-четвёртых, “Дон Кихот”. Вы утверждаете, что Гамлет давно стал русским, а роман Сервантеса и вовсе спасёт нас на Страшном суде? Так считал Достоевский. Да, эта мысль верна. Однако этот “испанский Христос”, “наш Господь Дон Кихот” (Мигель де Унамуно) способен на разное. Подвиги его вполне могут не уместиться в русском понимании юродивой праведности и доходящей до гротеска христианской любви. Кихотизм – это ещё и перевод кажется в есть, фантастического предположения – в действительно существующее. Это и центростремительная утопия идеального безумия, получающего права на передел мира в согласии с персональным или цивилизационным фэнтези.

В-пятых, “Фауст” – триумф воли некогда суицидального старца, омолодившегося за счёт стратегической помощи сатаны. Шестьдесят лет Гёте потратил не зря! Архетип западного человека – с его сарказмом и готовностью к нравственным падениям – был создан на славу. Начиная с инверсии главного конфликта “Книги Иова”, немецкий гений превращает Бога в фикцию, в выгодную риторику, а западного человека – в демиурга, трагического путешественника по мирам. Ради их опустошения и преобразования, ради оправдания самого себя как главного колонизатора вселенной.

И всё-таки в пять не уложился. Скажу ещё о двух американских текстах. Это “Моби Дик” Мелвилла и “Старик и море” Хемингуэя. Американские фаусты – капитан Ахав и старик Сантьяго – легко трансформируют обыденность в героический миф, прагматику – в торжество гордыни. И пусть не достигнут житейский, рациональный результат, пусть мир-корабль уйдёт в пучину, а большая рыба умрёт и не достанется никому, остановиться уже невозможно. Потому что американская мечта не так проста, как её часто формулируют. Здесь за фаустовской волей к бесконечному созиданию слишком заметно гамлетовское влечение к небытию, готовность к смерти. Несмотря на все знаменитые улыбки.

* * *

Время действия – 1992 год, конец сентября. Место – Анапа, дом культуры “Курортный”. 500 учителей со всего края привезли в качестве объектов для пропагандистской работы организации “Новая жизнь”. Около 100 очень странных людей, большинство – американцы: по официальному статусу – баптисты, евангелисты, адвентисты – в границах публичного объявленного “культурологического христианства”, по сути – миссионеров образа жизни, экспортного и предельно облегчённого варианта западничества. Евангельские цитаты плохо сочетались с ястребиными лицами, продуманность каждого действия (включая плач в нужное время) – с новозаветной свободой.

Далее я загляну в свою статью “Вторжение без оружия” (“Православный голос Кубани”, 1993, август). Стратегическая лекция, прочитанная богословом Миддлмэнном, была презентацией евро-американского образа жизни. Называлась она “Честный взгляд на современный мир”. Слово “цивилизация”

стало ключевым в сорокаминутном слове: “Человечество стремится к цивилизации. Цивилизация создаёт культуру. Быть цивилизованным — это значит... Только в цивилизации возможно процветающее общество. Восточные религии выступают против научной реальности, замыкаются в себе, они учат фатализму. Мы должны стремиться построить упорядоченный мир. Цель учителя — помочь войти в цивилизованное общество. Библия показала, куда движется история...” В своих последующих лекциях этот пастор-профессор показал кубанским педагогам, куда движется история. К полному избавлению человечества от всех региональных фантомов на пути к совершенной цивилизации. Америка — словно положительное разрешение всех апокалипсисов — венчала долгие поиски истины. Америка в речах этих гостей и была Христом, уже состоявшимся по-настоящему.

Много любопытного было в двадцати килограммах розданных каждому учебных пособий. Иисус представлял там “примером идеального друга”, “образом совершенного гражданина” и показывал, как “можно хорошо жить во все времена”. В игре “Святой Дух” сообщалось, что этот самый Дух “всегда с тобой, когда ты радостен и счастлив”. На вопрос о страданиях библейских личностей, о кресте Христа, об отрицании всю эту западную фигню Достоевском Миддлмен ответил практически без паузы: “Давайте говорить о самом главном — о качестве жизни, о достигнутом уровне комфорта, о нашем достатке. Согласитесь, что Соединённые Штаты живут хорошо, а вы — совсем не очень. Это потому, что мы — христиане...”

Местные чиновники вели себя плохо. Как представители зависимой, порабощённой земли. Один из самых высокопоставленных сподобился на такое высказывание: “Долгое время мы были отлучены от мировой культуры, мы не знали Библии, не читали Евангелие. И вот наступило время, когда наши американские и европейские коллеги могут рассказать всем нам о той великой традиции, которая всегда хранилась и оберегалась человечеством”.

Я же всё обдумывал ситуацию. К нам не поленились приехать несколько десятков мужчин и женщин весьма невысокого уровня души и ума. Любая сидящая в зале учительница ближе к Христу, чем эти просветители *аборигенов*. Но почему гордые, достаточно примитивные менеджеры пропаганды, ничего не понимающие в России и её судьбе, чувствуют себя в осенней Анапе хозяевами? Как они, заменившие Христа на цивилизацию, дерзнули приехать к русским людям и выражать полную уверенность в том, что 500 учителей разнесут по городам и станицам веру в спасающий американизм...

* * *

Для многих юных эта *спецоперация* — как гром среди ясного неба. Этого, мол, не могло и не должно было быть. Опытные удивились значительно меньше — всё зрело постепенно и неотвратимо. Я — ещё не слишком старый — застал четыре войны. С ними столкнулся российский народ за последние 30 лет. Ельцинская, Чеченская, Грузинская, Сирийская. Первая — мрачный эксклюзив: создание властью и её западными патронами условий резкого, скоростного сокращения населения. Ельцинская атака — это и конфликт в Абхазии, и организация антирусского олигархата, и полное торжество криминала. Обвал социальной политики и превращение многих областей культуры в трэш тоже здесь.

Все четыре войны выиграл Путин. Когда началось, по сетям стала гулять назойливая мысль: он делает это ради удержания власти. Сюжет значительно тяжелее. Растёт он не из субъективности того или иного политика, а из созревшей битвы систем, из антирусской консолидации Запада, из нужд Америки по обеспечению себя как имперского центра. Из, возможно, подсознательного согласия Европы с тем, что её безграничный постмодерн требует трансформации в эпос. Из наших больших амбиций и усилий по самосохранению — тоже растёт.

Следовательно, 24 февраля — не эмоциональный шаг, а необходимый перевод тайного в явное, за считанные часы атаки Запада-Украины. Жёсткая объективность, неотвратимость происшедшего может и не утешить. Зато она способна избавить от истерики и желания откатить историю назад. Да и до какой точки следует откатить? До боёв в Грозном или до победы над Германией?

Или до византийско-западного противостояния? Или вы действительно верите, что не заметь он Майдан и не возьми Крым — всё было бы так хорошо...

Постарайтесь в наши не самые лёгкие дни не впасть в вульгарный гамлетизм. Что это? Особое минорное состояние, ежедневное кривое зеркало для наших надежд. В нём Бог — отсутствие. Жизнь — невроз. Россия — причина всех бед. Лично ты — жертва. Мне часто приходилось встречать хороших и добрых россиян с глубинным, доходящим до тошноты неприятием своей страны — в любой период её истории, а главное — сейчас. Разговорившись или активничая в соцсетях, национал-нигилисты дорисовывают тяжкую картину мира, без шансов на солнце. И делают своими страшными выводами — очень плохо. Кому? Самим себе.

Если Навальный появится или замаячит проект “Смена власти в Белоруссии”, приходят они в серьёзное возбуждение, желают нынешней власти поражений на всех фронтах. Однако даже предчувствие крови и возможное насыщение мстостью не может скрыть, как им плохо. Потому что не любовь правит здесь, а ненависть и отсутствие по-настоящему своей земли... Про всех сразу говорить нет смысла, но многие из таких *обыденных предателей* — в пустоте безрадостной. 24 февраля эта пустота стала просто шокирующей: в России наши западники — чужие, в иных странах они — русские, обременённые новой ответственностью, вынужденные тратить всех себя полностью на разведение и оправдание. Стратеги операции лишили идейных эмигрантов всех устойчивых пространств как-то сразу.

Русскому интеллигенту нужно быть очень сильным человеком, чтобы не желать поражения власти, не копать в ошибках Церкви, не ластиться к любой оппозиции, не жаловаться ежечасно на работодателей и условия существования, не считать себя любимого обделённым или специально поставленными всеми возможными *верхами* в позу невыносимого страдания. Сильный и цельный, состоявшийся умом и сердцем — всегда дома. И при Николае II, и при Сталине, при всех генсеках и президентах. Его законы просты: Россия — центр мира, в критической ситуации защищаешь своих и бьёшь чужих, эмиграции — виртуальной или действительной — не допускаешь. Судьбу Родины разделить готов. Тогда страхи и претензии уходят.

Сейчас хорошее время, чтобы спросить себя о мировоззрении. Раз своим личным начал эту статью, автобиографическими рассуждениями и завершу. Когда мне было чуть за 20, усилием воли и течением судьбы обрёл три платформы своей жизни. Православную Церковь — с долгими службами и постами, таинствами, богословскими книгами и монастырями, прихожанами храмов, выдающимися и нет священниками, с верой в бессмертие души и победу над дьяволом. Россию — как трудную неисчезающую Родину, как воплотившегося в истории поруганного и распятого Христа. Да, очень человеческого Христа, слишком человеческого, чтобы не совершать ошибок, не впасть в тяжкие состояния и порою не отказываться от самого себя. Мне быстро удалось пройти путь от типичного *не знаю вообще, кто я до скромного апологета* Русской идеи. Что это такое — Русская идея? Об этом, собственно, моя статья. И прочитайте хотя бы книгу Николая Бердяева с таким названием. Иногда мои соратники считают Бердяева чужим, слишком модернистским, гностическим и прозападным мыслителем. Не согласен. Бердяев показал, что Россия — это самая духовная история за все эпохи существования мира.

В-третьих, я обрёл литературу — удивительное *внутреннее делание*, единство философии и красоты, высшую форму катарсиса: от “Эпоса о Гильгамеше” до романов Прилепина, от Гомера и “Книги Иова” до сюжетов последних веков. Не удержавшись на церковной высоте своей молодости, всю веру в необходимость антифарисейской борьбы перенёс из пределов храма в университетские аудитории. Никогда не жертвую объективностью и рациональным, научным анализом. Но всегда подчёркиваю, что духовный путь не ограничивается Библией и богословием. Вся мировая словесность — художественная, чуждая магии *религия* — встреча поэтики и дидактики. А Софокл, Иоанн Лествичник, Сервантес или Томас Манн — не менее русский путь, чем путь западный.

А почему в заголовке “ПОЧТИ бесконечная война”? Потому что — победим. И победа эта имеет полное право не совпасть с нашим горизонтом ожиданий. Лишь бы была победой.